

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. П. Маковицкий

ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ. У ТОЛСТОГО. 1904 — 1910. 1908 г. *

1 января. Л.Н. вынес «Мысли мудрых людей», и Андрей прочел вслух 1 января. Гусев сказал, что в тюрьме «Круг чтения» — приятная книга, что надо бы ее узаконить для тюрем, чтобы в каждой была. Отвечает на мысли, которые там возникают у людей.

Л. Н.: Она нам подходит, мы все в тюрьме.

4 января. ...Сегодня Л.Н. получил три письма, про которые сказал: Из всех сквозит раздражение: отсутствие нравственных основ, их заменяет раздражение. Люди думают, что у них есть то, во имя чего можно раздражаться; что если я раздражен, я имею на это право.

5 января. [Письмо с вопросом о том, «как можно не вмешиваться, когда правительство казнит»]. Л.Н. ответил: «Кто тебя поставил решать эти вопросы? Почему нужно решать так, что для общества нужно, чтобы вешали или чтобы прощали?»

---

* Литературное наследство. — М., 1979. — Т. 90. — Кн. 3. — *Прим. сост.*

— Мне их обоих одинаково жалко, — сказал Л.Н., — И Столыпина, и экспроприатора.

[Письмо от Ugo Arlotta.] Описывает свое посещение Ясной Поляны и приводит свой разговор с Л. Н. о непротивлении злу. Это учение кажется ему противным природе человека. Л.Н. по этому поводу сказал:

— Они (журналисты, как Arlotta) в узком кружке своей газеты не знают, что были Эпиктет, Марк Аврелий, Будда, что возражения были уже сделаны и опровергнуты.

7 января. Л.Н.: ...У нас у каждого столько своих грехов, недостатков, что не доберешься. А все хотим устраивать благо других. Это такое суеверие.

[О Люси Малори.] Ее журнал лучше сотен других. Девятьсот девяносто девять тысячных печатного вредно. Все внушаем, и нам внушают... Люди могут быть доведены до слабости, что поддаются внушению.

Л.Н.: У меня работа, «Круг чтения», так подвигается! В заглавии дней будет ясное мирозерцание мое. Теперь дошел до десятого числа.

10 января. Л.Н.: Контраст — жизнь революционеров: мрачность, озлобление и самоотвержение. Без религиозного начала человек всегда легко подчиняется царствующему течению.

12 января. Получает огромное количество писем, брошюр, книг, газет. С нового года: «Новое время», «Слово», «Русь», «Голос Москвы», «Русские ведомости», «Русско слово», «Биржевые ведомости», «Сибирские отголоски» (Иркутск), «Голос Самары».

13 января. Л.Н.: Я нынче захватил нечаянно «Русь». Восемь смертных казней! Это ужасно! Я читаю «Новое время», а оно про казни только мельком упоминает. Не надо его читать. Сколько смертных казней в год?

Приложение

---

14 января. Л.Н.: Вы, молодые, доживете до того, что увидите, чем кончится нынешняя революция. Когда придете туда, скажите нам.

15 января. Заговорили о христианском и об общественном непонимании.

Л.Н. ответил:

— Первое, несомненно. В старости религиозное сознание возьмет верх у всех людей и, убежден, в час смерти.

И Л.Н. рассказал сравнение приблизительно так: люди все стоят перед великой тяжестью, которую им нужно поднять; вот, например, этот стол, кругом которого сидим. Есть у нас у каждого религиозное сознание — рычаг, которым, если будем действовать, сдвинем стол. Но мы бросаем рычаг, вскакиваем на стол, начинаем цепляться за него руками, стараясь поднять его, и не только ничего не сделаем, но собою увеличим тяжесть. Это делают все революционеры. Им видеть самодовольного, бросающего рычаг и сложа руки сидящего трудно, но они ухудшают положение. Желаем царствия Божия, оно в нас, как же его внешними средствами достичь? Надо любить и терпеть.

— Другое, что в старости несомненно, — говорил дальше Л.Н., — что истина должна быть проста. Иоанн в старости лет не говорил другого, как: «дети, любите друг друга».

18 января. Вечером В. Г. Чертков читал Л.Н. из своего журнала «Свободное слово» и книги «Наша революция» выдержки, которые войдут в его новую статью о стеснениях свободы совести в России новыми циркулярами (после 17 апреля и 17 октября 1905 г.).

19 января. Л.Н.: Я как раз пишу теперь о том, что старые мудрецы, браминские, китайские, указали, что страсти мешают проявлению любви. Но есть одно, чего прежние мудрецы не указали (а указал Христос), это есть непротивление злу злом, и он показал главную черту любви, то, что для меня уясняет силу любви. И вдруг являются люди, отрицающие эту черту.

Л.Н.: Когда держалось это (существующий строй) гипнозом, можно было его удержать, но когда это держится силой — тогда нельзя.

9 марта. Л.Н. сказал:

— Я читал теперь Бернарда Шоу. Очень умно. Он за социализм против анархизма. Мне это очень интересно. Он выставляет слабые стороны социализма. Два главных имени социализма и анархизма — Бакунин и Кропоткин — русские. Это авторитеты, с которыми не спорят. Бернард Шоу очень даровит. Его драмы, рассказы и особенно статьи даровиты.

Л.Н. хотел прочесть вслух что-нибудь и стал читать из «Нашего журнала» описание Гельсингфорса Куприна. Читал спешно строк 30 и бросил — неинтересно.

Потом рассуждал Л.Н., как это Финляндию, Польшу с одной стороны, русские, с другой — пруссаки и австрийские немцы хотят проглотить. На что это, кому это нужно?

Софья Андреевна: Никому...

Л.Н.: Меньшиков не этого мнения.

Потом Л.Н. вспомнил, что в «Руси» (теперь с четверть года читает не «Новое время», а «Русь») перепечатано о том, как хранятся рукописи Л.Н. у Черткова в Крайсчерче (в Англии). Гусев прочел вслух. Прочел место: «Теперь, при преклонном возрасте его, опасность конфискации или обыска, надо полагать, миновала. Беспокоит нас в этом отношении только Союз русского народа, который, как известно, в своей дикости не знает границ. С этой стороны всего можно ожидать».

10 марта. Понедельник. Л. Н. после болезни, начавшейся дней восемь тому назад, первый раз поехал верхом. ...

За обедом Софья Андреевна разговорилась о чествовании 80-летия Л.Н., какие есть проекты: дешевое издание сочинений, устройство читален, высаживание деревьев и т. д. Я припомнил, что предлагает Вл. Поссе («Новое время», 8 марта). Л.Н. вспомнил его по сотрудничеству в гайдебуровской «Неделе».

Потом я прочел Л.Н. о побоище в Черновой 21 октября («Blutbad bei Kirchenweine») и о суде над черновцами. Л.Н. внимательно слушал и задавал вопросы. Был потрясен и возмущен, делал замечания, что творится такое и в стране конституционной, не в одной России. Но казалось ему слишком односторонне написанным, не хотелось верить, чтобы черновцы были так невинны, пассивны, как описано в прочтенной статье.

Л.Н.: Послать бы в газету.

Я спросил Л.Н., не поместит ли он этот образец государственного насилия над невинными людьми в свою новую статью. (Л.Н. сам в декабре говорил об этом.) Л.Н. допускал возможность, что поместит, и особенно потому, что это недавнее происшествие.

12 марта. Среда. Л.Н.: Читали Вы «Письма к ближним» Меньшикова? В них письмо Чехова к нему. Интересно, что он пишет о себе, что он, Чехов, неверующий. Очень интересен всегда мне был он — как и многие — тем странным отношением «пожалуйста, не трогайте меня» (не говорите про христианство), которые боятся, что христианство расторгнет его спокойствие, которое он себе устроил.

Софья Андреевна вырезывала из газет, что пишут по поводу ожидаемого юбилея 80-летия Л.Н. со дня рождения, и говорила, что ежедневно, в каждом номере газеты есть статья.

17 марта. Л.Н. говорил Гусеву, что если бы общественное мнение было таково, что нельзя было бы писать за деньги, то сразу бы прекратились такие газеты, какие есть.

По поводу газетных толков, приготовлении к чествованию 80-летия Л.Н. говорили, что они могут переутомить Л.Н. ...

19 марта. Наживин желал бы издать все места из корреспонденции Л.Н., касающиеся юбилея, не называя лиц, и напечатать эти места хотя бы через Меньшикова, фельетон которого о юбилее Толстого, чтобы его не праздновать, ему очень понравился.

20 марта. Л.Н.: Излечиваюсь от тщеславия, не дорожу славой... Прежде искал в газетах, где обо мне писано, теперь отворачиваюсь; скорее другое место посмотрю.

Л.Н. почтой получил книгу московского митрополита Иннокентия, что обращал сибирских инородцев, лично ездил к ним: «Указание пути в царствие небесное». М., 1900.

Наживин вспомнил, что японцы в начале войны писали: «Разве жалко Россию? В ней ничего хорошего, кроме любимого Толстого».

Л.Н. говорил, что в озверении виновны и казни.

— Разве, — сказал Л.Н., — это может проходить даром, что в день шесть казней? Это делают правительственные люди, благословляют священники.

Л.Н. говорил Марии Александровне очень наглядно, просто, убедительно, ласково:

— Как это люди не живут любовью? Как естественно, а мучаются.

Л.Н.: Как идет везде невидимая работа, но та самая, которая нужна. Работает мысль, и какая мысль — такие будут поступки.

25 марта. Вторник. Благовещение. Приехал Н.В. Давыдов, рассказал, что должен был выйти в отставку. Требовали от его суда смертных приговоров (политических), он не хотел... Еще говорили, что его не любят за то, что он в дружбе с Л.Н. Толстым и в родстве с Трубецкими, Евгением и Сергеем.

Говорили про юбилей. Давыдов — тоже член московского юбилейного Комитета, и хотят его выбрать председателем. Намерен принять председательство, дать иное назначение.

28 марта. Пятница. Александра Львовна получила письмо от С.А. Стахович. Выражает радость по поводу письма Л.Н. ее брату Михаилу Александровичу о том, что не желает празднования юбилея. Пишет, что, когда Михаил Александрович сообщил это Комитету, один, некто Аничкин «обылскался» (нашелся), вос-

Приложение

кликнув: «Еще раз Лев Толстой не дает себя использовать для освободительного движения». Как характерно!

31 марта. Л.Н. спросил Илью Львовича, какие газеты читает...

Л.Н.: Я читаю две крайние: «Русь» и «Новое время». «Русь» — из-за краткого означения событий в заголовке крупным шрифтом: «Шесть казней, три смертных приговора...».

Л.Н. говорил об общине, что у нее основной принцип хорош, что земля общая и что грех разрушать ее, вводить собственность на землю.

Разговор о борьбе между обществами мужиком и Крестьянским банком...

Л.Н. очень внимательно слушал, переспрашивал, был очень тронут, задет, потом говорил:

— Возмущает меня это коверканье жизни крестьян. Такая дрянь — Васильчиков и эти Столыпины. Крестьяне, которые лучше, умнее, полезнее их... Как смеют на себя брать, решать эти ерники петербургские то, что крестьяне лучше их понимают? Какая дерзость — ломать крестьянскую общину! Даже эти социал-демократы, они должны бы об этом писать.

Л.Н.: Когда говорят неверно о моем нравственном (учении), тогда мне неприятно. Но написать (обо мне лично) могут нехорошо — мне все равно. 1 апреля. Л.Н.: Такая мания — это писательство. За деньги писать. Это как есть, когда не хочется, или как проституция, когда не хочется предаваться разврату.

5 апреля. Люди лишились сдерживающего начала, выработанного веками. Когда веришь в церковное учение, сдерживающее начало есть — тогда это хорошо. Когда не веришь в церковное учение, надо верить в другое (где сдерживающее начало тоже есть). Когда ничего нет (никакого сдерживающего начала), тогда спускаешься на ступень животного.

— Надо отрешиться от мысли, что я устрою жизнь других людей... Как же тысячи, десятки тысяч устроят миллионы? Всегда

всякий по-своему устраивается. Энергию свою направить на то, чтобы воздействовать на себя, на любовь, этим я сближаюсь со всем миром.

И Л.Н. говорил дальше, что тем, что человек думает только о своем отношении к Богу, старается исполнять Его волю, он невольно содействует устройству мира, только это делается другими путями, а не по преднамеренной программе. Чем больше человек самостоятелен, тем скорее должен прийти к этому.

9 апреля. Л.Н. говорил, что, живя в деревне, он сведущ в том, что делается, через письма, которые получает. Теперь по поводу юбилея ежедневно получает ругательные от черносотенцев, утверждающих, что он проданся жидам, получил от них куш.

[О Будде.]

— Какое высокое учение! С его учением случилось то же, что с Христовым. Его отвлеченное учение загромоздили храмами, обрядами, учением о будущей жизни... Нравственное учение Будды очень высокое, у китайцев вошло в нрав: терпеть, не давать злом за зло.

Л.Н. говорил, что главное — непотворение злу; любовь в себе увеличивать:

— Иду, подвернется под ноги собака — рассержусь на нее, уже нарушил любовь. Мы, вы, я, Душан Петрович счастливы, что мы такие (понимаем непотворение злу), но как же требовать от других, чтоб они так же признавали его, если не доросли до этого. Тут надо терпение — подождать, пока до него дорастут. Принуждать их, как правительство делает, — выйдет одна наружная видимость, в душе же тех людей останется злоба, как и была. Надо допущение свободы, самобытности. Мы (вы, я, Душан Петрович) в главном сходимся, но каждый своим путем пришел к этому своему убеждению, и мы различны. Такое допущение свободы, самобытности, как в отношении к вам, так — ко всем и к детям. Дети такие же самобытные существа, как мы, взрослые. Насилием воздействовать на них так же не должно,

Приложение

как насиллием воздействовать на вас. Это говорил Л.Н. к тому, что мы не должны сердиться на людей потому, что они не такие, какими мы их желаем видеть; что надо себя вести с людьми любовно, не противиться злу.

10 апреля. Л.Н. говорил, что определение задачи искусства — рабски подражать природе — это такая же крайность, как та, что искусство — в том, чтобы писать, что придет в голову (как Андреев пишет). Это две крайности. Искусство должно выражать такое состояние души, которое было бы общее всем. Искусство вызывает известное душевное состояние, настроение чувства — только это и есть искусство. ...

— Искусство не только подражание природе, а отношение, которое соединяет всех. Надо, чтобы своя мысль была глубока. — Красота, добро и правда — это старинная гегелевская троица.

12 апреля. Вчера Л.Н. сказал Александре Львовне, что кончил в первой редакции «Всему бывает конец», что теперь осталось только поправлять, а на следующий день попросил ее переписать всю статью начисто. Стало быть, последние дни, как всегда, когда кончает статью, особенно усиленно работал, напрягал мысль.

13 апреля. Праздник светлого воскресения. ...Говорили о праздновании Пасхи. Л.Н. взял почту. Через короткое время вернулся с номером «Руси»:

— Вот эти празднуют хорошо! Четыре казни в Нижнем Новгороде, один смертный приговор. А вы говорите, — обращаясь к Михаилу Сергеевичу, — умирать не надо. Поскорее умереть! — сказал с ударением, донятый новыми казнями.

14 апреля. Л.Н. хочет писать про казни. На днях просил Николаева узнать про дворника, исполнявшего должность папача в Москве.

Л.Н. говорил о письме гимназиста, просящего совета, как избавиться от лени. Л.Н. ответил, что, может быть, его лень есть

просто отвращение к бессмысленным предметам учения в гимназии. Л.Н. заметил:

— Самое обычное. Энергия бывает во имя тщеславия, людской славы.

Л.Н. говорил про обвинительный акт Молочникова, в котором передано очень верно «вредное» содержание книг: «Письма к фельдфебелю», «Памяток» и других, которые он распространял. Так хорошо изложено в нем, в чем они полезны. Только нужно переменить слово «вредное» на «полезное». Молочники хотят судить за распространение их.

Читали записанный Л.Н. в 1865 г. сон о том, что русскому народу предстоит освободить землю от собственности.

20 апреля. Теперь Л.Н., больше чем когда-либо уверен, что ему мало жить осталось, и потому «надо торопиться», старается работать. Александра Львовна и Варвара Михайловна не успевают переписывать.

Говорили о том, какая эпидемия «идти на курсы», чтобы быть полезным народу. Л.Н.: Какая дерзость «быть полезным народу»! Мне 80 лет, а я не умею быть полезным народу. Стараться не делать мерзостей. Вот это хорошо.

21 апреля. Л.Н.: Сон — семь-восемь часов огромной важности. Утром, в самое время после пробуждения, работа для меня самая драгоценная: записи в книжечку.

Л.Н. пошутил, что нехорошо иметь друзей-докторов, затруднительно умереть, чтобы их не обидеть. «А наше дело стариковское — умирать спокойно, смиренно».

Л.Н.: Я получил письмо с вопросом, кому следовать: Санину или Христу?

— С точки зрения 80-летнего старика мир кажется сумасшедшим домом. Бывшее отношение к жизни осталось, а она ушла вперед. Это мне так очевидно, как, наблюдая молодого человека, который мотает наследство, можно предвидеть, что из него бу-

Приложение

дет; что если не будет новой основы, другого отношения к жизни, он пойдет на верную гибель.

Л.Н.: Любовь — закон выше всякого, он ни при каких условиях не может быть нарушен... нравственный закон — высший закон; потому что свойственно дать благо и тем людям, которые его исполняют, и окружающим.

Всякие страдания на пользу. А страдания нравственные, оттого, что человека ругают, это всегда на пользу.

Л.Н. рассказал суть его статьи «Всему бывает конец», что наши страдания оттого, что у нас нет общего религиозного убеждения.

Л.Н.: Зачем говорить о железных дорогах, а не о главном: если бы не было земельной собственности, капитал не имел бы и одной двухсотой доли того влияния, какое имеет теперь. Очевидно, основное — земельная собственность, а то не было бы так, что никто ни в печати, ни в Думе слова не промолвит о ней.

30 апреля. Л.Н. — за обедом — о социализме. Спросил, какая разница между Бернштейном и Марксом. Никто не знал. Л.Н. читал «ученых социалистов».

1 мая. Л.Н. дал прочесть выписку из Геккеля, присланную ему Е.И. Поповым, о том, что смертная казнь полезна для породы человеческой: убивают вредных членов общества...

Л.Н.: Вреднее Геккеля нет деятелей.

4 мая. Л.Н. о роли правительства.

— Учреждение, которое оправдывается тем, что оно заботится о благе народа, торгует водкой. Стыда нет!

6 мая. [Разговор и «Санине» Арцыбашева и Леониде Андрееве.]

Л.Н.: Нехудожественное. Когда в такте три фальшивые ноты — не музыка. Во всякой добродетели самоотречение, самозабвение есть первое дело, так и в искусстве. Писатель не должен быть виден, а тут Андреев, Арцыбашев — себя вперед тиснуть. А мне никакого дела до них нет.

8 мая. Стасюлевич стал присылать «Вестник Европы».

11 мая. Л.Н. читал «Вестник Европы», январь-апрель 1908, две статьи, касающиеся Герцена, и там же просмотрел роман «За границей» из жизни революционеров... Л.Н. сказал, что пригодится для его работы, которую сейчас пишет и которая никогда не будет завершена.

13 мая. Л.Н. после вчерашнего впечатления от рассказов Муравьева о смертных приговорах и казнях и под впечатлением фотографии казней в Сибири (там днем совершаются, в России же ночью) и сегодня полученного письма Молочникова, что его выпустили только на десять дней (на поруки, друзья сложились и внесли 3 000 р.), и под впечатлением на днях прочтенной рукописи о казнях — Л. Семенова, — Л.Н. сегодня написал статью в десять ремингтонных страниц, вроде открытого письма — горячий, сам собой вырвавшийся у него выстрадавший вопль против смертных казней, резко нападая на Щегловитова (министр юстиции), П.А. Столыпина и Николая Романова. Не могу себе представить, как они отнесутся к Л.Н. за такое уличение их в бесчеловечности, глупости. Думаю, что, по крайней мере, сделают обыск и домашний арест.

Л.Н. прочел вслух о цели социалистов-революционеров: освободить 130 миллионов русских от абсолютистского ига и потом работать на осуществление свободной жизни.

Л.Н.: Ребячество. — И отложил книгу. [Разговор о революционерах вообще.] Л.Н.: У них есть гордость: «Моя партия устроит». Им в одном нельзя отказать: у них есть искреннее негодование против зла.

21 мая. С. А. Стахович передала о каком-то обществе мира в Москве, которое не совсем против солдатства, но за ограничение войн. Григорий Петров играет там какую-то роль; они хотят иметь своим членом Л.Н-ча, и спрашивают Л.Н.: могут ли его выбрать?

Приложение

Л.Н.: Это вроде Гаагской конференции. — И сказал, что не хочет им быть. — Тут фарисейство, лицемерие величайшее. Какие могут быть ограничения нравственных требований? Вопросы нравственные абсолютны. Не убивать — никогда, не прелюбодействовать — никогда. Никаких ограничений. 99% из всего зла делается во имя практических выгод (соображений). Это мне до такой степени ясно.

Сегодня в «Русских ведомостях» опровержение, что не 20 казней было, как Л.Н. читал в «Руси» и вписал в сегодня оконченную статью «Не могу молчать», а 12.

1 июня. Л.Н.: Жалко мне слышать о Кони (что он за смертную казнь). Вопросы смертной казни чисто субъективны: могут ли участвовать в том или нет. Тем и хороши нравственные вопросы, что они решают все безапелляционно.

Л.Н. говорил Гусеву, что одну длинную главу из «Не могу молчать» совсем выкинул. Завтра возьмемся за «Всему бывает конец».

— Главное в поправлении — выкидывать, — сказал Л.Н. — Когда только что написано, жалко выпускать, оно связано еще с тобой пуповиной; когда же статья отлежится, как теперь «Всему бывает конец» (Л.Н. не заглядывал в нее одну-две недели), то станет видно, что можно выкинуть.

Л.Н. говорил с удивлением о новых типографских машинах: чем глупее люди становятся, тем более средств для распространения их глупостей.

7 июня. Л.Н.: Все мудрые люди говорят, что не надо говорить о дурных делах, а газеты о другом и не пишут.

Александра Львовна стала говорить, что газеты подбирают самое дурное, а что есть хорошего в жизни, того не замечают.

Л.Н.: Хорошее дело молчит (не кричит), это свойство его.

Л.Н. где-то читал, что правительство уже перевешало с января 1907 г. до сих пор 2000 человек.

Л.Н.: Это уже столько, сколько было казнено во Французской революции.

9 июня. С графиней Зубовой о царе и Столыпине:

Л.Н.: Этих людей — государя — жалко. Он поставлен в это положение. Ему Пуришкевич и другие убежденные люди не позволяют отказаться. Они скажут, что царствовать, смертные приговоры выполнять — это нужно, а Столыпин — делает карьеру. Я его невольно любил, но чем дальше вижу (что делает), тем жалче. Его нельзя не упрекнуть.

16 июня. Л.Н.: Закон жить в любви со всеми тем и хорош, что его всегда можно исполнять: и когда некогда, и с большой печенью.

17 июня. Л.Н.: Дочитываю «Герцена»: польское восстание, «Колокол» перестает иметь прежнее значение, Герцен путешествует. Ему под 60 лет, начинают бродить серьезные мысли. Верно описывает полное одиночество путешественника где-нибудь в Италии, в гостинице. Я это испытывал. В России (дома) такого одиночества нет.

— Чехихин (Ветринский, автор книги «Герцен») — социалист. Он с точки зрения социализма пишет, но добросовестно, — сказал Л.Н. ...А Герцен был глубже, чем социалист.

20 июня. Л.Н. спросил: — Что нового в газетах? Молоствов ответил, что ничего, одни смертные казни каждый день. Гольденвейзер рассказал про политические события в Персии. Л.Н. спрашивал, есть ли в меджлисе партии за шаха и против шаха, и эти события ему интересны.

Л.Н. просматривал почту; журнал «Review of Religions» из Пенджаба.

Л.Н.: Я несколько дней пишу письмо индусу. Они (индусы, часть их) усвоили идеалы европейские — газеты, желание своего парламента... Это жалко. Неужели все идеалы должны быть в усвоении либерализма?

Приложение

Л.Н.: Я только привел образец. Там кипит ненависть пролетариата против богатых. Это хорошо тем людям, которые, как говорит Пушкин, привели свои дела в порядок или которые призывали к беспорядку своих дел.

Шахматы с Гольденвейзером.

Вечером Л. Н. читал «Новое время» (ст. Меньшикова «Национальное движение») и спросил Гольденвейзера, что такое Всероссийский национальный союз. Гольденвейзер объяснил, что это дело Меньшикова и Пуришкевича. Потом Л.Н. позвал меня в кабинет и расспрашивал о Македонии, Болгарии, об Аннаме, Тонкине.

Придя в залу, Л.Н. стал говорить о том, как теперь во всем мире (в России поляки, прибалтийские, финляндцы, кавказские народы, английская Индия, французский Тонкин и т. д.), захваченные чужими государствами, желают освободиться: «Дайте нам жить, как мы хотим».

— После бесчисленных насилий, совершив захват, когда народ после одного-шести лет шевельнется, это считается бунтом, и забыто, что над ним совершено так недавно насилие и что оно продолжается.

Разговор о речах, о последней, четырехчасовой Пуришкевича.

Л.Н.: Совершенно это бесполезно, если долго говорить. Всякую речь можно свести на короткую, только нужно очень много поработать, чтобы коротко сказать. ...Теперь очевидно, что парламент никак не может достигнуть тех целей, какие себе ставит: усовершенствование правительства посредством парламента. Никак его не усовершенствуют.

23 июня. Л.Н. все пишет «Всему бывает конец». Теперь называется «Закон насилия и закон любви». Вчера так переработал, что из прежней статьи остались одни воспоминания.

25 июня. Л.Н. спрашивает Германа Бернштейна:

— А что «New York Times», у него много подписчиков? Кто у вас будет президентом, кто выиграет?

По поводу вопросов, которые задавал ему Бернштейн:

— Иностранцы корреспонденты умеют прямо ставить вопросы, а на прямой вопрос приятно отвечать.

30 июня. Приехали теософки, почитающие Л.Н.: Унковская, Каменская — редакторша теософского журнала, Писарева — главная сотрудница.

Весь разговор был спором. ...Унковская говорила о Блаватской, Анне Безант, потом рассказала про съезд теософов. На нем было много поляков. Поляки говорили в том смысле, что теософия имеет почву, будущность преимущественно у славян. Говорили со слезами о том, как не любят русских, что это несет карму той, прежней вражды поляков с русскими.

Л.Н.: То, что просто, ясно — у всех одно. Мне одинаково дорого ядреный мужик Эпиктет и тонкий Кант.

С нравственными стремлениями теософов Л.Н. вполне согласен:

— Мне дорого то, что доступно всем и что повторяется всеми учителями мира.

2 июля. Л.Н. спросил:

— Читали в «Новом времени» Меньшикова о толстовцах? [«Письма к ближним» 29 июня.]... Какой набор слов, какая игра словами! Спросите, что он сказал, — никак не перескажешь простыми словами. Когда касаются такого серьезного вопроса, это особенно бьет в глаза.

Я рассказал про фельетон в «Руси» «Сплетня о Достоевском», где опровергается, что он будто был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н.Н. Страхова.

Л.Н.: Не знал, что такие вещи говорились о Достоевском.

— Нехорошо было со стороны Страхова.

...Л.Н. сказал Николаеву на днях: «Все, что ни напишу, оказывается непригодным для печати. Вот и об Орлове нельзя печатать: “Нецензурно”, — говорят».

4 июля. Почта из Тулы, около 30 писем Л.Н-чу. В полученных сегодня московских газетах телеграммы о появлении 15 июля в «Daily Chronicle» и «Matin» новейшей статьи Л.Н. о смертных казнях «Не могу молчать». По-русски должна появиться сегодня — в какой-нибудь петербургской газете, куда Хирьяков поместил. Разумеется, с пропусками.

Л.Н. сам искал в газетах известий о «Не могу молчать». Интересно его появление этой статьи и желал бы, чтобы имела успех.

5 июля. Приехала сестра Л.Н. Мария Николаевна... Она пожелала прочесть «Московский сборник» и говорила про «Круг чтения», который ежедневно сама читает и некоторым другим монашкам читает вслух. Л.Н. просил прочесть из «Круга чтения» мысль, которая ему очень нравится:

«Когда же не плоть, а ты будешь глава в человеке? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумением жизни от скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебе своей жизнью или смертью: когда поймешь ты, что истинное благо всегда в твоей власти и не зависит от других людей?» (Марк Аврелий).

8 июля. Л.Н. вспомнил разговор госпожи Штевен о мужиках и сказал, что у них теперь прорвалось сознание несправедливости. Ненависть, которая копилась веками за обиды, выразилась теперь. «Нас грабят — это еще милостиво, — Л.Н. говорил это с болью и стыдом за господ. — Это та мысль, которая вошла в сознание народа; она не пройдет. Правительство же хочет подавить».

Л.Н.: Правительство на то, чтобы было всем хуже, а какому-нибудь Ивану Ивановичу лучше.

10 июля. Л.Н. говорил о романе «Санин»:

— Веселись вовсю, ни о чем не думай. Это очень неразумно. Это 20 раз опровергнуто. Молодые люди учатся греческой грамматике, а этого не знают.

12 июля. Л.Н. показал на письмо Репина в «Слове» о том, что все молчат насчет смертных казней, а Л.Н. отозвался. Бутурлин спросил Л.Н., знает ли он, что Гаррисон в 1859 г. отказался от принципа непротивления злу?

Л.Н.: Дамские речи о любви. Любовь без непротивления немислима. Гаррисон откажется от непротивления во имя негров, Столыпин — во имя... Непротивление — неизбежное условие любви, а любовь — основной закон нашей жизни.

Л.Н. сказал, что царство Божие усилием берется. Знает по своему опыту: чтобы Бога иметь, Его помнить, нужны усилия, упражнения, как Гольденвейзер упражняет пальцы.

По предложению Сергеенко, послано в «Слово» выражение сочувствия Репину и присоединение к его открытому письму по поводу «Не могу молчать» (Слово. — № 505. — 10 июля). Подписали Бутурлин, Беркенгейм, Сухотин, Гусев.

Софья Андреевна высказала опасение за Л.Н. — в связи с тем, что он в этой статье царя и палача ставит в один ряд.

Бутурлин: Лев Николаевич должен это во всю силу сказать. Царю тронуть его нельзя, сделался бы смешным.

[Говорили об упадке в искусстве.] Л.Н. объяснил, что наша культура доходит до конца, как римская отошла. Признак — декаданс, как эта потребность искать в новых формах — не в глубине понимания, а в формах. Искание новых форм только потому, что нет содержания. Есть что сказать — вырази в старой форме.

20 июля. Вечером Булыгин говорил о заседающем миссионерском съезде в Киеве. И будто бы там тайком предали Л.Н. анафеме...

26 июля. Л.Н.: Свойство всякого таланта — скромность и простота не напущенная, смирение, неверие в себя. Это прямо определяет величину.

28 июля. Л.Н.: Еще кончить «Круг чтения» — на 14 дней работы осталось. Если буду жив — этим словам теперь приписываю более действительное значение — кончим.

Приложение

---

4 августа. Л. Н. в разговоре о писательстве сказал, что если в науке нужны точность и правдивость, то в искусстве эти точность и правдивость нужны вдвое.

12 августа. Вечером большое раздражение из-за фельетона Меньшикова в «Новом времени» 10 августа. Софья Андреевна была взволнована статьей Меньшикова «Толстой и власть» и начала писать ему открытое письмо.

17 августа. За столом разговоры о Меньшикове. Завтра появится ответ Софьи Андреевны; разослала его в несколько газет. «Русское слово» ее по телеграфу благодарит. Софья Андреевна ликует, упиваясь ударом, который она нанесет Меньшикову. Другие, в том числе Чертков, говорили, что не следовало Софье Андреевне писать письма — только потому, чтобы не мараться с Меньшиковым и не давать ему повода переворачивать опровержение по-своему, и что он может грубо ответить. Все, кроме Л.Н., бросают камни в Меньшикова.

Николай Николаевич стенографически поправляет под диктовку Л.Н. «Круг чтения» и говорит: «Это мне школа — сильно и ясно выражать мысли».

О семейной жизни Л.Н. сказал:

– Она крест, материал для работы. Теперь есть между молодыми людьми соблюдающие целомудрие. Это и нужно, целомудренное супружество — это выше нецеломудренного супружества.

24 августа. Воскресенье. Принесли телеграммы с Козловки. В одной спрашивают о здоровье, вторая «Великому писателю земли русской» с 200 подписями из Лукоянова. Л.Н. не был ей рад:

– Нечаянно Тургенев сказал («великий писатель земли русской» — почему не воды?) глупые слова, все подхватили.

Вечером заговорили о земельном вопросе: как религиозные люди могут игнорировать земельный вопрос.

Л.Н.: Земельный вопрос — дело справедливости, и, конечно, решение его не может быть иное, как генриджорджевское. Религия имеет дело с высшими состояниями, религия учит самоотверженности (высшей справедливости). Подставь правую щеку, отдай рубаху — вот религия.

Л.Н.: Во всяком случае, религиозный человек это признает. Как при освобождении крестьян это сознание было сильно в русском обществе и как слабо теперь сознание этой несправедливости! Тургенев не понимал того, что такое в России земельный вопрос, а он был чуткий человек; он чутко относился к освобождению крестьян, а этого-то он не понимал. Я читал его письмо к Герцену: «Что ты там пишешь о сохранении общины (крестьянских учреждений), русскому народу нужно только к одному стремиться: к усвоению высшей западной цивилизации», где обезземелен народ, — добавил Л.Н.

27 августа. Утром Л.Н. оделся и пришел без поддержки с кровати на кресло и поехал в залу, где с Гусевым занимался выбором мыслей из «Свода» в «Круг чтения». Там же просмотрел почту: почту и сегодняшние газеты, полные известий, касающихся Л. Н. или юбилея. Приехал нарочный, привез альбомы, и почтой получен альбом: всего три — изящные, большие. Первый — от 25 художников русских с их оригинальными произведениями; второй — от «Общества любителей российской словесности», третий — от деятелей периодической печати (адрес плохой, как бы благодарят за одно «Не могу молчать»). Поздравительных писем получены десятки, телеграмм около 30: есть между ними трогательные, искренние...

От официантов сада «Фарс» в Петербурге получен самовар с хорошей надписью; от грузинского художника портрет Л.Н. из букв целого текста сказки «Бог правду видит»; шелком на атласе вышитую картину пашущего Л.Н. Всего сегодня 152 письма и телеграммы.

Приложение

---

28 августа. Здоров, но слаб... Николай Николаевич извещал о письмах и о статье Короленко*. Хорошая, хотя кое в чем не согласен как революционер. О Меньшикове, о «Круге чтения».

Л.Н.: Из писем, телеграмм — мало читал. Вижу, что помог им освободиться от религиозной лжи. Благодарят, что им стало спокойнее. Это была моя главная деятельность, и я рад, что она признана. Желая, чтобы все это скорее кончилось, своя жизнь важнее всего внешнего.

Л.Н. с 10 у себя в кабинете диктовал Николаю Николаевичу в «Круг чтения».

От «Тульской молвы» было пять человек. В 2 часа приехал из Тулы посыльный с 432 телеграммами, не принял таксы за доставку.

Пришел Иван Иванович и стал разбирать получаемые кипы телеграмм и писем. Большинство телеграмм длинные, особенно от рабочих. Есть 350 подписей. Одна телеграмма в 855 слов, из них текст — 30, остальное — подписи; много телеграмм на ты. Есть телеграмма Редьярда Киплинга. «Привет гордости российской — почитательница-немка». «Богоискателя поздравляет ксендз». Из сербского Белграда телеграмма: «Ко дню 80-летия рождения Л.Н. Толстого поздравление Христа»... Сегодня получено 432 телеграммы.

Приехал Charles Theodore Hagberg Wright, привез адрес английских друзей-писателей.

Есть телеграммы и письма от священников, от евангелических пастырей, пасторов разных английских вероисповеданий.

...За столом, за обедом нас сидело 22 и галдели: Софья Андреевна, Райт, Сергей Львович, Илья Львович, Андрей Львович, Екатерина Васильевна, Михаил Львович, Д.А. Кузминский,

---

* *Короленко Вл.* Лев Николаевич Толстой // Русское богатство. — 1908. — № 8. — С. 125–143). — *Прим. сост.*

Дима Чертков, А.А. Гольденвейзер, Александра Львовна, я, Варвара Михайловна, Николай Николаевич, Иван Иванович, А.Б. Гольденвейзер, Владимир Григорьевич, М.С. Сухотин, М.А. Стахович.

Л.Н. сидел один и про себя думал, в общий разговор совсем не вмешивался; просил принести записную книжку и записывал в нее. Николай Николаевич рассказывал про телеграммы, их получено до сих пор около 600; есть и такие — в 10 страниц: текст 30 строк, прочее подписи. Сегодня 79 писем с Козловки, 10 — от городских Дум; одно — от университета.

В 9 часов Л. Н. стал в зале пересматривать письма; очевидно, очень слаб.

Между адресами есть и от священников, и от крестьян (очень хорошие).

Иван Иванович стал перечитывать все поздравительные адреса, телеграммы, письма и выписывать из них трогательные, серьезные места для сообщения в газеты. Он уже третьего дня посылал первое сообщение в пять газет, писал там о любви, чтобы помешать чествованию с политической окраской.

Хорошая статья о Л. Н. в «Die Standarte» (Berlin, 3 September, Wochenschrift).

В «Петербургских ведомостях» статья князя Цертелева, человека православного, начало особенно хорошее*. Л.Н. сегодня же написал австралийским генриджорджистам ответ на поздравительное письмо, полный убеждения в правоте, необходимости генриджорджевского решения.

29 августа. Л. Н. спал хорошо. Утром оделся и один, без помощи, прошел от кровати к креслу и стал заниматься в зале. Гусев предложил ему пересмотреть избранные телеграммы. Л.Н. отклонил и писем не стал смотреть, первый раз с тех пор, как я

---

* *Цертелев Д.* К юбилею Л. Н. Толстого // С-Петербургские ведомости. — 1908. — № 192. — *Прим. сост.*

Приложение

здесь живу; стал сейчас же пить кофе и заниматься работой над «Кругом чтения». Почта из Козловки — около 100 писем; телеграмм привезли 925. Иван Иванович (все время делал выписки из писем и телеграмм для «Русских ведомостей»).

Вечером Софья Николаевна читала вслух из «Вестника Европы» М.О. Гершензона о Киреевском длинную статью. Когда кончила читать, Л. Н. заметил:

– Сущность учения Киреевского вкратце в том, чтобы свою волю слить с волей Бога.

Сергей Львович спросил Л.Н. об А.С. Хомякове. Л.Н. ответил, что Хомяков был глубже.

Л.Н.: Хомякова я знал. Всегда вспоминаю его с большим удовольствием. Очень самобытный человек. Монгольское лицо. Хорошая произнесена была им речь. Я ее где-то читал.

На вопрос об Аксаковых Л.Н. ответил, что Аксаковы держались более внешнего (обрядности, национализма).

Я спросил Л.Н., не христианский ли дух учения Киреевского привлекал Л.Н. к славянофилам.

Л.Н.: У славянофилов было самодержавие, православие, народность. Я их любил за народность. Они прикрывали народность православием. Это меня отталкивало от них.

Гольденвейзер спросил Л.Н. о впечатлениях юбилея, почему не интересуют его письма, телеграммы. Л.Н. ответил, что у него настало переполнение, как от сладкого, когда насытишься; перестал интересоваться; что эта сторона была ему до сих пор незнакома. Общее впечатление от писем, телеграмм — что своей деятельностью он разрушил ложные верования и указал истину. Это сделалось триумфом.

Сергей Львович и Николай Николаевич говорили о телеграммах (вчера их 600, сегодня более чем 1 000). Л.Н. спросил, есть ли от Стасюлевича и есть ли от славян. (Есть обе.)

Гольденвейзер: «Вестник Европы» кончится. И Стасюлевич и Арсеньев — старики, и не находят, кому его передать.

Сообщили Л.Н., что есть телеграмма от Кропоткина.

Николай Николаевич сообщил Л.Н. содержание одной телеграммы от священника, вроде: «Горячо приветствую дорогого Льва Николаевича за хлеб насущный».

Л.Н.: Вот и о вере можно говорить с добротой, а не ругательно.

Есть такие телеграммы: «Вы — живая совесть России» (несколько раз эта мысль по-разному выражена)...

30 августа. Л. Н. встал бодрый. С 9 стал заниматься в зале с Гусевым новым «Кругом чтения». Входил к нему Николаев спросить, что оставить, что выпустить из речи Генри Джорджа «Вера сторонников единого налога», которую Л. Н. выразил желание поместить в новый «Круг чтения». Л. Н. ответил, что надо переделать всю и написать простым языком и что займется этим сам.

Сергей Львович хочет заняться группированием и изданием поздравительных телеграмм. Его радуют, интересуют телеграммы, выражающие порицание правительства; таких больше всего из Саратова, Харькова, где губернаторы особенно усердствовали, чтобы не проявлялось чествование Толстого. Репрессия — реакция.

В 10.45 Л.Н. ушел к себе. В 11.50 потушил свечу.

31 августа. Л.Н. спал пять часов. С 8.45 занимался с Николаем Николаевичем новым «Кругом чтения».

Л.Н.: Я прочел Горького «Исповедь». Невообразимое. Все лица одинаковые (монах), одинаково говорят, выдуманные положения. — И Л. Н. удивлялся и тому, как это можно писать, и — более — тому, что это печатают.

Ге сказал, что у Бальмонта читал такой стих: «Тик-так, тик-так».

Л.Н. сказал, что он понимает: они думают, будто поэзия есть что-то недосказанное, неопределенное, а ведь написание стихотворения требует столько же труда, как геометрия.

Сергей Львович рассказал про Арцыбашева, что он похож сам на Санина: силен, лицо бледное, нахальное, умное, неприятное, голос противный.

Приложение

Л.Н. сказал, что у Арцыбашева есть некоторый талант. «Санина» не читал, но получил письмо от гимназиста с вопросом: «Кому верить: Христу или Санину?»...

Л.Н.: ...Столыпин казнит: «Мы казним сотню, а предупредим революцию, убийство тысяч». Но не убедил его. Он говорил, что надо иначе устроить жизнь. Я ему говорил, во-первых, что устроить жизнь других людей совсем нельзя (нельзя знать, что будет), что это суеверие (верить, что одним можно устроить жизнь других), что люди — свободные существа; во-вторых, что человеку нельзя внушить свои мысли, как это видно и на нем, — я не убедил его; разумеется, есть такое состояние, когда человек ищет, и тогда у передового человека перенимает мысли (а есть, как этот студент, которого никак не убедишь).

1 сентября. Л.Н. хорошо спал; встал в 7; с 8.30 до 12.30 занимался.

Привезли огромную почту из Тулы — 30 заказных, 120 простых писем, 60 повесток, 50 книг, газет, журналов. Л.Н. дали некоторые прочесть. Одно прочел вслух, Breal выражает сочувствие его критике Шекспира, утверждая, что он давно так же думал. Тоже вслух начал читать и дал Николаю Николаевичу докончить письмо Леонида Андреева, который хочет Л.Н. посвятить «О семи повешенных». Письмо сердечное, прямое. (Куда лучше его писаний!)

Сергей Львович, Михаил Васильевич и Н.Н. Ге занимались сортировкой (1700) юбилейных телеграмм.

Какой-то пекарь прислал Л.Н. 21 фунт хлеба. Софья Андреевна заподозрила, не отравленный ли? Об этом пересуды.

Трогательное письмо получено от шести тульских телеграфистов; смешное от человека, узнавшего о Л.Н. из газеты, в которой была завернута колбаса. Нашлась поздравительная телеграмма Ку-Хун-мина из Шанхая, которому Л.Н. писал «Письмо к китайцу».

Л.Н.: Какое сближение народов произошло! Как за последние двадцать пять лет Индия, Китай, Япония стали причастны европейской жизни! Персия — меньше.

Есть поздравительная телеграмма от бурят. Есть письмо от лужицкого серба Яна Брыла; присылает и первые семь номеров «Лужицы».

Л.Н.: В «Вестнике Европы» (сентябрьская книжка) все прочел, и Арсеньева*. Какая умная статья!

— О чем? — спросил Гольденвейзер.

— Обо мне, грешном. Но (К.К. Арсеньев) именно умный, серьезный человек. Пишет, что об учении, взглядах Толстого преждевременно говорить, а большинство в газетах, статьях все знают.

В 10.45 Л.Н. ушел к себе, в 11.50 потушил свечку.

3 сентября. Говорилось о выздоровлении от болезни, о дне рождения, поздравительных письмах, телеграммах. До сих пор телеграмм 1700, но еще получается по 20 ежедневно. Подписей на них 50 тысяч.

Л.Н. письма и телеграммы очень мало читал; говорит, что не может: скучны ему повторения. Приятно ему, что сделалось «общим местом» — «я был атеист...» (и Л.Н. не докончил, т. е. «и благодаря Вам нашел Бога»).

Тут Софья Андреевна вставила, что ругательные были: она получила четыре.

Почта из Тулы — около 120 писем. Л.Н. по поводу какой-то статьи о нем, а в ней разговор с ним, сказал:

— Если бы я еще восемьдесят лет жил, я не успел бы переговорить всего того, что мне приписывают и что будто бы я сказал.

4 сентября. Софья Андреевна вырезывала из газет о Л.Н. Заметила в «Новом времени» 31 августа статью Меньшикова. Заглавие одной части ее — «Подложное Евангелие». Софья Андреевна стала читать часть. Л. Н., читавший раньше, сказал об этой статье, что нехорошо. Софья Андреевна все продолжала читать и огорчаться.

---

* Арсеньев К. К. Л. Н. Толстой. 1828 — 1908 // Вестник Европы. — 1908. — № 9. — Прим. сост.

Приложение

Л.Н.: Для меня эта статья поучительная, потому что есть предел, где перестаешь серьезно относиться, как в молодости; вот Софья Андреевна серьезно относится.

5 сентября. За обедом Л.Н. рассказал, почти шутя, что сегодня получил письмо «от матери» с полным адресом: «Что, просите веревку от правительства? — ее посылаю», и действительно отдельно в пакете прислала. Л.Н. того мнения, что она легковерно думает, будто он причина революции, как это правые газеты утверждают. Л.Н. же ей вчера ответил на ремингтоне...

8 сентября. Л.Н. спросил Давыдова:

– А как в уголовном праве, нет вопроса об уничтожении смертной казни?

Давыдов рассказал свои мытарства у ученых-юристов по уголовному праву, а Хирьяков свои — на съезде русских журналистов (в июне под председательством Федорова). Он хотел внести проект, чтобы высказались против смертной казни в России и чтобы предложили журналистов из других стран так же поступить в своих странах. Федоров и М. Ковалевский признали это неуместным.

Л.Н. после этих разъяснений:

– Мне казалось, что никому и в голову не пришло бы в свободной печати не писать против смертной казни...

Говорилось о том, сколько воспоминаний, встреч с Л.Н. описано теперь в газетах, сборниках. Софья Андреевна вспомнила из новой статьи Измайлова* по поводу юбилея Л.Н.: в том, что теперь пишут, так много лжи и воды, что впоследствии будет трудно разобраться.

1 октября. Л.Н.: Если бы я сомневался в том, что я обыкновенный человек, то этот шум, который около моего имени подняли газеты, должен бы убедить меня в том. Разве мыслима такая шумиха, как около певиц, около человека серьезного, истинно вели-

---

* *Измайлов А.* Лев Толстой // Русское слово. — 1908. — № 199, 28 авг. — *Прим. сост.*

кого? Но мне этого доказательства не нужно. В «Мыслях мудрых людей» 29 сентября: «Полезнее всего было бы составить описание жизни тех людей, о которых мир и не думал и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю всех его работ, от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнять их» (Рескин).

7 октября. Л.Н. ответил, что... в газетах только самые животрепещущие вещи читает.

Теперь читает «Слово» попеременно с «Новой Русью», иногда «Новое время» или «Русские ведомости».

8 октября. Андрей Львович говорил, что, как будто, опять будет революция. Л.Н. ответил, что революция и не прекратилась: ненависть с обеих сторон продолжает быть.

Я понимаю вполне всех, — сказал Л.Н. — И с точки зрения Столыпина, Меншикова нечего больше делать, как вешать. От них требовать, чтобы они поняли, что жизнь в том, чтобы любить друг друга, — нельзя. Когда я буду большой, напишу об этом.

12 октября. Большая почта из Тулы. Получены отпечатанные экземпляры благодарственного письма Л.Н. по поводу приветствий к его 80-летнему юбилею.

Николай Николаевич говорил Л.Н. также про статью Кранихфельда* в «Современном мире»...

15 октября. ...Телеграмма московского студенчества; желают прислать депутацию. Л. Н. думал, что по поводу студенческих волнений, и полагал себя обязанным принять их, поговорить с ними. Но, по газетным сообщениям, это депутация — поздравительная, и Л. Н. ответил ей отказом, ссылаясь на то, что и другие депутации не были приняты**.

---

* *Кракихфельд В.* От великого барина к великому мужику // Современный мир. — 1908. — № 9. — *Прим. сост.*

** Приветственный адрес от студентов Московского университета был вручен Толстому 29 октября 1908 г.; хранится в Гос. музее Л. Толстого. — *Прим. сост.*

Приложение

---

18 октября. Утром я передал Л.Н. письмо, которое он четвертого дня продиктовал как ответ сербке по поводу аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. Л.Н. принялся за обработку, и к полудню разрослось в четыре раза. Л.Н. был заинтересован письмом. Как раз в сегодняшнем номере «Нового времени» вторая часть статьи Меньшикова «Поменьше фраз».

Тут, — сказал Л.Н., — все есть о Боснии, Сербии (статистические данные)...

20 октября. Я спросил Л.Н., кончит ли «Письмо к индусу»... Решил кончить. (Будет шесть писем о национальном, политическом, государственном вопросе: Здоховскому, Ку-Хун-мину, Сенкевичу, Моравцу, Андже Петровичевой и индусу Дасу).

25 октября. Л.Н. читал «Слово»: — Скучно. Весь номер — пошлые, однообразные статьи. Это обратная сторона газет, а положительная, светлая — то, что все делается известным человечеству, что творится на всех концах мира.

С вечерней почтой Л.Н., между прочим, получил экземпляр «Книги скорби», изданной Союзом русского народа имени архангела Михаила, с 29 некрологами убитых революционерами русских людей и с надписью пером: «Вот когда надо сказать: “Не могу молчать”»*.

29 октября. Л.Н. говорил, что Максим Ковалевский, принявший «Вестник Европы» от Стасюлевича, просил его в январский номер рассказ В. С. Морозова с несколькими строками Л. Н-ча.

Николай Николаевич рассказал про Леонида Андреева, получающего тысячу за лист, что он, по словам вчера бывшего студента Русова, говорит: «Пока я молод и пользуюсь славой, пишу, чтобы сколотить денег на старость»...

---

* Книга Русской скорби. Вып. 1 / предисл. В. Пуришкевича. — СПб., 1908. Экземпляр с пометами Л. Н. Толстого хранится в яснополянской библиотеке. — *Прим. сост.*

3 ноября. Л.Н., когда я завел речь о китайском адресе из Шанхая к 80-летнему юбилею («Русские ведомости». 30 октября), сказал: — Патриотизм — это внушение суеверия; предание, не соответствующее нынешнему сознанию (русских людей). Величие России! Все выгоды его в том, что финляндцы нас ненавидят, кавказцы нас ненавидят.

5 ноября. Разговор с Владимиром Григорьевичем о том, как устроить, чтобы новейшая, уже совсем законченная статья «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» возможно скорее появилась, пока вопрос о Боснии обострен. Л.Н. выразил желание, чтобы в славянских газетах статья была напечатана в тот же день, что в английских и немецких.

12 ноября. Сегодня получен журнал «Современный мир» с очерком Куприна о Толстом, о свидании с ним на пароходе в Ялте. Трогательно... признание Куприна* — он высоко ценит, что живет в одно время с Л.Н.

21 ноября. Пятница. Сегодня приехали П.Д. Долгоруков — 42 лет, профессор Московского университета; географ Д.Н. Анучин — 70 лет; Е. А. Звегинцев (деятель по народному образованию) и председатель земской крапивинской управы доктор Игнатьев поговорить о народной библиотеке, которую хочет устроить в Ясной Поляне Московское общество грамотности.

Л.Н. с Анучиным разговаривали о науке и поспорили... Л.Н. говорил ему об отсутствии науки религиоведения, самой нужной науки.

О студентах Московского университета, бывших месяц тому назад, Л. Н. сказал, что они успокоенные, не возлагающие уже тех надежд на революцию — разочаровались в ней... Говорилось о земельном вопросе, о котором сейчас идут прения в Думе.

---

* *Куприн А.* О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» // Современный мир. — 1908. — № 11. — *Прим. сост.*

Приложение

Л.Н.: Земельный вопрос — это первый вопрос, который из политических вопросов интересует меня. Ведь его можно решить в духе русского народа. Русский народ признает, что земля не может быть чья-нибудь. Дума это игнорирует вполне. Но решен будет этот вопрос, как русский народ его сознаёт, в скором будущем. Будет решен. Дума же делает то, чего желают лишь единичные крестьяне; но не следует забывать, что вся революция держится на недовольстве крестьян.

Л.Н.: Вы доживете, — говорил, обращаясь к Звегинцеву, — когда единый налог будет введен. Я не доживу.

Л.Н.: Тогда зачем же революция? Ведь революция только тем и хороша, что указала на земельный вопрос.

26 ноября. Л. Н. говорил, что Иван Иванович пишет: 20 книжек нового маленького формата издания народных рассказов Л.Н. издали в первом издании — 400 тысяч, во втором — 500 тысяч, а третье будет опять 500 тысяч.

— Как теперь стали произведения ума общедоступны! — сказал Л.Н.

Михаил Сергеевич: В «Русском богатстве», в августовской книжке, статья Короленко о Вас — интересна. Главное возражение, которое вам делает, — что вы описываете одних бар и крестьян, а не занимаетесь средним сословием, которое создало освободительное движение.

Л.Н.: Интеллигента? Но если правду говорить, он мне был всегда несимпатичен. Современники Некрасова, Чернышевский, Михайловский — они всегда были мне очень неприятны. Очевидно, не либерализм их меня отталкивал. Перед Герценом я всегда преклонялся, а здесь какая-то се-рединность, журнальная либеральность.

Михаил Сергеевич: Короленко еще возражает, что вы фабричными рабочими не занимались.

Л.Н.: Это *mea culpa** ...

---

* Моя вина (*лат.*). — Прим. сост.

Л.Н. заговорил о письме Loyson в «L'Aurore»:

– Он пишет по поводу «Не могу молчать» и возражает против непротivления. Я нигде не встретил таких ясных возражений. Я был очень рад вставить их в статью (в «Письмо к индусу»). Первое — что существует закон борьбы (за существование) Дарвина; второе — что при непротivлении злые уничтожат добрых; третье — что любовь — слишком много, что нужна не любовь, а нужна справедливость.

Софья Андреевна заинтересовалась рецензией на второй том бирюковской «Биографии» в «Вестнике Европы» и «Современном мире». Там же и критика книги Овсяннико-Куликовского о Л.Н. Софья Андреевна прочла вслух:

«По заявлению господина Овсяннико-Куликовского, “Толстой родился с несомненным призванием к деятельности религиозного реформатора и к моральному творчеству, но “кто-то” вместо того, чтобы вооружить его соответствующими такому призванию силами и талантом, наделил его совсем иным, неподходящим даром гениального художника-психолога и реалиста”».

Л.Н. вставил:

– Это правда. — И затем:

– Это, право, нужно мне — на каждую похвалу хоть одно ругательство.

Чертков: И то есть: черносотенцы ругают вас...

3 декабря. Софья Андреевна заговорила было о рукописях, которые у Черткова, но тут Александра Львовна горячо заступилась за него, говорила о его любви, преданности Л. Н-чу, о собирании всего, что Л.Н. пишет, и делала выговор братьям Льву и Андрею, что они пальца о палец не ударили, чтобы помочь отцу. Софья Андреевна высказала опасение, что будет с рукописями после смерти Владимира Григорьевича и Димы, заявив, что рукописям следует быть не за границей, а в России, тут Александра Львовна сказала, что Чертков в будущем передаст все рукописи семье, но не исключительные права на издание.

Приложение

Пополудни Софья Андреевна подняла разговор с Л. Н. и Владимиром Григорьевичем о том, чтобы неизданные рукописи Л. Н. (вроде «Хаджи-Мурата»), хранящиеся в копиях у Владимира Григорьевича, перешли семье и чтобы семья одна имела право издавать их.

Л. Н. сказал, что его желание — отказаться от литературной собственности на эти сочинения. Софья Андреевна приводила аргументы, что сыновья (Лев, Андрей) хотят рукописи иметь в семейной собственности и что внукам деньги будут нужны. Вышел спор. Владимир Григорьевич все тут же записывал и к концу сам принял участие в споре, сказав острую правду Софье Андреевне в глаза. Владимир Григорьевич удивлялся потом, что Л. Н. очень мало расстроился. Л. Н. ему сказал, что испытывает к Софье Андреевне только чувство жалости. Софья Андреевна ходила к Л. Н. извиняться.

Л. Н. рассказал, что в Петербурге на собрании (славянском) говорили Бобринский и Родичев. Полицейский чиновник остановил речи, и они подчинились — замолкли. Л. Н. негодовал на такую покорность:

— Какое рабство, как к нему люди привыкли! Если бы я был литератор (журналист), я написал бы об этом. Полицейский чиновник решает, когда надо перестать говорить. Я бы не остановился.

Софья Андреевна: Вывели бы.

Л. Н.: А пока вели бы, я бы говорил, пока рот не зажали бы.

Лебрен: Сильная кара — три месяца тюрьмы.

Л. Н. сказал, что и так не следует подчиняться, что ведь все равно сидят они в тюрьме. «За Выборгское воззвание» сидели. Тут они замолчат, а в Думе привыкли так говорить.

5 декабря. В «Голосе Москвы» 4 декабря появились три первые главы статьи Л. Н. «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», первые три главы из двенадцати. Чертков поражен, как туда попала статья. Он «Голосу Москвы» даже не по-

слал копии, он послал следующим пяти газетам: «Слову», «Речи», «Новой Руси», «Русским ведомостям» и «Русскому слову». Чертков боится, что после начала ничего не появится — запретят. Гусев думает, что «Голос Москвы», будучи «правительственной» (октябристской) газетой, мог напечатать с меньшими пропусками и за ним посмеют другие газеты. Л. Н. был, скорее, рад, что появилась (хотя преждевременно и неприятно для Черткова и заграничных газет), главное — что с небольшими пропусками.

6 декабря. ...Разговор о Хомякове, который уйдет с председательства в Думе в связи с речью Розанова-трудовика. Потом разговор об уничтожении общины законом 9 ноября 1906 г.

Л.Н. спрашивал, продают ли землю в Елецком уезде крестьяне, а потом рассказал про речь Образцова (в Думе 1 декабря) и продолжал:

— Стараюсь об этом не думать, стараюсь спокойно относиться к этому. Люди (Столыпин и компания) позволяют себе — и это с таким авторитетом — нарушать основы, уклад русской жизни. Если я этим горячо занимался, об этом писал, то потому, что слишком люблю народ.

Л.Н. пересел на кушетку и долго молчал, затем заговорил снова:

— Чтобы решать общественные вопросы, есть один способ: перенести все на личное отношение к добру и злу мира, самому не участвовать во зле, так решаешь лучшим образом общественные вопросы.

Еще был разговор о восточных народах. Л.Н. говорил о том, что теперь с ними гораздо лучше ознакомились и что этому содействовала отчасти японская война, а раньше о Востоке знали очень мало.

— Раньше знали о Китае: чай, опиум, — сказал Л.Н. — Теперь из Индии получаю тройного направления журналы: ведическое, либерального, магометанского.

В 11.20 Л.Н. простился. Сегодня был особенно мягок, прост.

17 декабря. Л.Н. 15 декабря стал читать «Былое», и Гусев достал ему еще разных книг около 20 — о действиях революционеров и борьбе правительства с ними.

18 декабря. За обедом Л.Н. говорил, что все читал «Былое», что в книге Пуришкевича (первый том некрологов убитых революционерами лиц) читал про убийство Александра II и Мезенцова.

— Ужасное убийство, — сказал Л.Н. про убийство Александра II. Спросил, кто был убийцей Александра. Потом говорил про Мезенцова:

— Я приятель с ним по военной службе, был на ты, несколько родня. Он высоко пошел в чинах. Меня очень удивляла его жестокость, ибо добродушнейший был человек, красивый, высокого роста. Выпить, песни петь — это было его.

Л.Н. говорил о письме Трегубова. Пишет о «Новой Руси», что она желала бы помещать все новое и не напечатанное до сих пор Л. Н-чем. Это показалось смешно и наивно Л.Н. и Владимиру Григорьевичу. Гусев же думает, что нет, что какие-нибудь «Русские ведомости» этого не сделали бы: они ведут свою газету в определенном направлении, и взгляды Л.Н. мешали бы направлению их газеты, и потому не желали бы их помещать.

20 декабря. Вечером Л.Н. дал прочесть Николаю Николаевичу вслух из «Нового времени» 18 декабря «Заметки» А. А. Столыпина в защиту смертной казни. Сказал, что хотелось бы ему написать А. А. Столыпину одно слово: «Стыдно».

25 декабря. Л.Н. 21-го начал писать статью по поводу «Заметки» А.А. Столыпина в «Новом времен» в защиту смертной казни. Сегодня уже более 20 ремингтонных страниц.

31 декабря. ...М. А. Маклакова с восторгом рассказывала о Дмовском и что слышала от него о положении поляков в России. Л. Н. подробно расспрашивал, с большим вниманием и сказал:

— Как же при таком нарушении человеческих прав толковать о таких мелочах, как введение земств, позволение самим заботиться о школах при обязательном обучении русскому языку, без пособия казны деньгами, введения польского языка в суды, администрацию? Можно добиться, только если говорить о корне вещей, а не о внешних проявлениях. Корень — русское государство. Тут бомбы или любовь. Или, наконец, прийти к истине, что люди — люди, что правительство не нужно и что середины нет.

— Я думаю (и решительно): мы стоим на пороге большого переворота, в котором Дума никакой роли играть не будет.